

В ПОИСКАХ ДОБРОТЫ

П О Э М А

«Будут зимы и вьюги,
и росы на травах,
и звезды, и радости будут.
Разрывы придут.
И только не будет
ни виноватых,
ни правых,
ни знающих,
ни умудренных,
ни лечащих тут.
Никогда никого
ни спрашивать
ни друга,
ни ветер,
ни самую умную ночь.
Ликуйте или страдайте
одни
и не верьте поэтам,
Поэты
и сами себе-то
не могут помочь».

Михаил ЛУКОНИН.

Пролог

В Московском кардиологическом институте имени Вишневого после операции на сердце умерла женщина по имени Раиса Александровна. Незадолго до смерти она неоднократно перечитывала стихи, опубликованные газетой «Советская Россия» за 25 ноября 1980 года. Она мечтала о встрече с поэтом, говорила: такие стихи, должно быть, написал честный, много переживший человек. Посмотрите, какие у него добрые, усталые глаза! Ей было сорок три года.

(Из рассказа пациентки этого же института Татьяны Николаевны Кувайцевой, жительницы города Набережные Челны, которая встретила со мной по просьбе умершей).

ЧАСТЬ I

ДЕКАБРЬ 1980-го. КОНЕЦ ВИСОКОСНОГО ГОДА

В клинике для сердечников
образ поэта придумали—
Добрый и чутким сделали,
боль умирив свою.
Это меня-то, грешного,
замкнутого,
угрюмого,
Обоготворила женщина
у пропасти на краю?..
Добрый глазам поверила?..
Что же она наделала,—
С верой в добро и канула
за роковую черту...
...Кружится в поле
метелица,
падает белая-белая,
И замечает тропиночку
к кладбищенскому кресту.
Что же она наделала?—
душу до дна
взбудоражила,
Кинулась кровь
по артериям—

бьет по вискам набат.
Что же она наделала!
Приговорила заживо —
Будто и впрямь в этой
гибели
я хоть чуть-чуть виноват.
Знаю, что невиновен я
в смерти неведомой
женщины —
Добрый ей был
собеседником,
не помышляя о том...
...Годы мои осенние,
думушки-думы вешние—
Остановитесь, сердечные,
перед могильным крестом!
ТРАУРНЫЙ АВГУСТ
1980 ГОДА
Качнулся гроб.
Поплыл из дома.
А со стены смотрел,
скорбя,
Такой привычный
и знакомый

(Продолжение на 4 стр.).

Леонид ЧАШЕЧНИКОВ В ПОИСКАХ ДОБРОТЫ

П О Э М А

(Продолж. Нач. на 3 стр.).

Отец
на мертвого себя.
Тихонько расступились
люди.
В сених послышалось:
— Несут!..
Сосед промолвил:
— Все там будем..
Другой сказал:
— Не в этом суть—
На все сам бог али
природа;
Но все-таки сдастся мне,
Что сын останется
с народом,
Отец —
лишь в рамке на стене.

**СИБИРСКАЯ ЗИМА
1945 ГОДА**

В тот далекий год,
сорок пятый год, —
Воевал народ,
бедовал народ.
Верно, в сотый раз
из Россиюшки
Изгоняли мы
вражью силушку.
Отступал палач,
издыхал палач..
...По ночам в избе
раздавался плач.
Тихий жалкий плач
моей матери.
А снега в лесах
чище скатерти,
А мороз стоял —
Ой-ей-ешеньки!
— Ты сходи в тайгу,
Леша-Лешенька,
Ты поймай в петлю
зайца белого,
А из зайца я
супчик сделаю.
Попили дровец
мелкой пилюю,
Чтобы мягче был
хлеб с опилками...

АСТРАХАНСКОЕ ЛЕТО 1980 ГОДА

Закат над садом догорает.
Под звонкий щебет
воробья
В саду малину обирает
Старушка добрая моя.
Неторопливо,
молчаливо
Бросает в жбан за горстью
горсть
И улыбается счастливо:
А как же —
сын приехал —
гость!
Как мало ей для счастья
надо:
Хоть под конем,
хоть на коне
Явился сын —
и в доме радость,
Дочь забежала —
свет в окне!
Из-под платка струит
сиянье,
Как лунь, седая голова.
И все слова о покаянье,
Наверно,
лишние слова!..

ВЕЧЕРКИ 1946 ГОДА

Я брэнчал тогда на
балалайке
И на хромке кое-как
играл.
Летом, возле бревен,
на лужайке
Каждый вечер девок
собирал.
Получалось сбивчиво
и слабо,
Но от этой музыки моей

Становились молчаливей
бабы,
И девчонки делались
грустней.
Приходила вековуха
Поля,
От которой всегда разлг.
Обнимала:
— Полюбить бы, что ли—
Да уж больно мал ты,
паразит!
Целовала,
голосила длинно.
— Что пристала к парню,
отвяжись!—
Затевай-ка «Тонкую
рябину»,
Аккурат она про нашу
жизнь..
А потом до петухов
плясали
«Подэспань»,
«Подгорну»,
«Гопака»—
За войну определили сами:
Кто за бабу,
кто за мужика.

ЛЕТО 1976 ГОДА

Стою в полях
у самого истока
Речушки по прозванию
Инцы.
То ль наяву,
то ль в памяти жестокой
Кричат,
кричат в черемухах
скворцы!
Встает ярило за бугром
над рожью,
Зорюн наносит с поля
голоса.
С пахучих трав
в песок,
с предсмертной дрожью
Срывается студеная роса.
Как будто не было
ни лет, ни странствий—
Дорога,
рожь,
поскотина,
гумно..
Как дорого округи
постоянство:
Все как недавно,
как давным-давно.
А вдруг придет Полина?
Иль хотя бы
Сбегут под горку Петька
и Валет?..
Но на тропинке —
с коромыслом баба
И этой бабе за полсотни
лет.
— Привет, залетный!
— Здравствуйте, Полина!
— Чего так рано шастаешь,
бобыль?

— Да, вот
собрался, было,
по малину,
А где она растет —
перезабыл.
Ушла,
качнув под тяжестью
плечами.
Курю,
смотрю вослед
из-под руки:
Ужель ее
в мальчишеской печали
Я ждал на этом месте
у реки?
Ужели к этой женщине
в морщинах
Я много лет подряд
бежал во сне?..
Выходит, я —
стареющий мужчина,
И все, что было,
не приснилось мне.

(Окончание следует).

В ПОИСКАХ ДОБРОТЫ

П О Э М А

(Продолж. Нач. в № 81).

ЧАСТЬ II ОТСТУПЛЕНИЕ

Стоп, мои думы текущие,—
Крученные, как метелица—
Кто-то уходит из жизни,
Кто-то приходит вновь...
Только пока мы молоды,—
Нам в небытие не верится,
Только пока мы живы—
Верим в добро и любовь.
А у добра-то есть поводы
Прятать улыбку
под маскою.
Часто любовь наша верная
Плачет тайком в ночи.
О, как порой нам хочется
Жизнь нашу сделать
сказкою.
О, как порою не терпится
Украсть золотые ключи!
Счастье каждому

надо бы —
Надо, конечно,
не спорю я —
Очень большая уплачена
За наши надежды цена.
Только встает, как

надолбы,
Вехи недавней истории,
Только вызывают
бездельные
И милые мне имена!..

РЕКВИЕМ

Шершавый дым дешевой
сигареты
Снимает напряжение
в груди.
Опять дожди намэнят
над планетой,
Тоску наносят этак
дожди.
По горизонту линии
печеткой.
Как будто землю скрючило,
свело,
Маячит побережье

Чукотки.
Куда меня в июле занесло.
В России — цвет,
а здесь — дожди косые,
В России — звень,
а здесь — глухой прибой...
Да что я?

Это тоже ведь Россия,—
Лишь неба цвет
совсем не голубой.
Вот и венок бумажный
на кладбище
Скорбит о ком-то
на стальном кресте.
Предвестники мои,
какне тыщи

Вас опочило в вечной
мерзлоте!
Лежат от Омчака до
Канчелана.
Я, прилетевший
на могучем «ИЛ»,
В своей пижонской куртке
из эллана,
Похож на осквернение
могил.

Из прихоти,
из зависти,
из фронды—
Корнилова,
Жигулина собрат,
Я прилетел на денежки
литфонда
И, невинный,
все же — виноват,
Что с ними не делил
почую замать,
Что детство и тайга —
уберегли...

Я ваша боль,
я ваша страсть и память,
Я ваш поклон погибшим
до земли.

ЧАСТЬ III ЯНВАРЬ 1981 ГОДА. ВЕЧЕР.

А женщина сидит
и ждет ответа,
Волнуется
и дышит тяжело:
Ведь все-таки — поэт!..
А у поэта —
То дальнее таежное село,
То вдруг отец —
недобрый и неверный
Встают перед глазами,
то беда
С самим собой,
То с той любовью первой
И, видимо, последней
навсегда.
А у поэта мать,
совсем селая,
Вдали —
одна среди жесткой
суеты...

А женщина надеется,
что знаю,
где спрятаны ключи
от доброты.
А я не знаю!
Сам ищу по свету
И мне пока,
наверно, не везло:
Встречал я доброту
и нежность где-то,
Но с ними рядом
уживалось зло.

(Окончание на 4 стр.).

Леонид ЧАШЕЧНИКОВ

В ПОИСКАХ ДОБРОТЫ

ПОЭМА

(Оконч. Нач. на 3 стр.).

Она,
в недоуменье и обиде,
Уйдет,
в душе почувствуя излом,
Колн скажу,
что нету в чистом виде
Добра.
Добро соседствует со злом.
И где-то в полночь,
закругляя тему,
Я обнадежить женщину
спешу:

Наш с вами разговор —
сюжет в поэму,
Я, может быть,
поэму напишу...

ФЕВРАЛЬ 1981 ГОДА.
НОЧЬ.

Когда засыпают кварталы
И явь исчезает во мгле,
Склоняюсь над бумагой
устало,

Поэты царят на земле.
В их странном и
призрачном царстве
Каких не бывает чудес:
То Мцыри сражается

с барсом,
То с Богом тягается Бес;
Добреют жестокие люди,
Мудреют совсем дураки...

А как там отчаянно любят
Изменам и лжи вопреки!
Трепещет пред бедностью
барство

И подлость не прячет
линя.

...Полвека живу в этом
царстве —

И царству не видно конца.

МАРТ 1981 ГОДА.
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ.

Я утомился в поисках
добра.

Встречался с ним не раз,
но я не скрою:

Как дыма не бывает
без костра,

Так зло добру сосуществует
порою.

Я не поставлю женщине
в вину

Измену.
И мужчины не безгрешны.
К тому же —

ни тюрьму
и ни войну —

Не женщина придумала,
конечно!

Пока что у библейского
козла

Ни масти, ни примет
особых —

нету...

Возможно,
было бы поменьше зла,
Когда бы миром правили
поэты.

Но миром правит золото.
Оно

Холодное и тусклое,
как старость.

Мне власти и богатства
не дано,

Мне только властных —
пожалеть осталось.

Мне только повторить
за кем-то вслепую:

Не улеглось войны
минувшей горе,

И тот —
колымский лагерный

Еще лежит у приника
«Синегорье».

И той безвестной женщины
свежа

На тихом сельском
кладбище могила.

На время отделила нас
межа

От женщины,
которая любила.

Смерть этой женщины —
еще урок,

Еще намек,
что черствость

Я верю,
существует...

я — поэт:

настанет срок,
И доброта над злом

восторжествует!

РАЗГОВОР С МИХАИЛОМ ЛУКОНИНЫМ

Взорвалось у Луконина
сердце,

замолчал на строке
недопетой.

Две Анюты остались:
жена и красавица-дочь.

Видно, чуял конец, коль
сказал:

мол, не верьте поэтам,
мол, поэты и сами себе-то

не могут помочь..
Что мне делать, Кузьмич,

опровергнуть?
рискованно,

лихо.
Что мне делать, учитель,

коль сути понять не могу?
Вы, по горло хвативший,

военного,
штатского лиха,

Вы, считавший себя
перед женщиной в вечном

долгу,

Как могли написать —
безысходное,

грустное это?
Кто-то предал, наверно,

и было до жути невмочь?
«Ликуйте или страдайте

одни
и не верьте поэтам,

Поэты,
и сами себе-то не могут

помочь...»
Нет, Луконин, я знал вас:

вы были щедрее,
добрее,

И нежней и вернее
случайной строки

во сто крат!
Я под памятью вашей,

под мудростью вашей
мудрею,

Я от вашего братства —
всем добрым и праведным

брат.

Без поэзии в жизни
пелызя,

как без хлеба и света,
Этот мир без поэтов

провалится в черную ночь!
Может, верно:

себе помогать не умеют
поэты,

Но поэт — не поэт,
Если людям не может

помочь.

ЭПИЛОГ

Я, Татьяна, для вас
с болью в сердце искал

доброту.

Для себя помянул
мне знакомых и близких

поэтов.

Не вернешь с того света
погибшую женщину ту
В наши пестрые будни
и праздники

этого света.
Отшуршали листки,

отпестрели строка
за строкой.

Ощущение такое —
как будто ступаю

на твердую сушу.
Что на сердце осталось? —

неужто дремучий покой —
Я не строчки мотал,

я изматывал строчками
душу!

Я по вехам своим
прошагал — за верстою

верста —
Мне не стыдно за жизнь

и за строки в потертой
тетради.

Нет,
не злоба меня выручала

всегда —
доброта,

И во имя добра я живу,
а не золота ради.

Поколение мое,
у тебя горевая судьба,

Зоревая судьба,
опаленная взорванным

детством.

И по нашим сердцам —
ох, какая прошла

молотьба.
Что и зернышку правды

в полове не скрыть,
не деться!

Надо верить в добро,
надо делать добро

на земле.
Чтоб от наших улыбок

и зависть, и злоба
скончались

Чтобы звезды сняли
под солнцем

на древнем Кремле,
Чтобы красные флаги

под ветром весенним
качались!

Закрываю тетрадь,
лишь на время перо

отложу.

Лишь на время
расслаблюсь:

чтоб сбросить напор
и усталость.

В окна хлещет заря —
на рассвете опять

к рубежу —
Сколько их, рубежей,

до конца моей жизни
осталось?..

Январь—февраль 1981 г.

Москва,